

Виктория Сергеевна Сагдиева родилась в городе Кемерово. По образованию врач. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Сибирские огни», «День и ночь», «Огни Кузбасса», «После 12». Лауреат ряда региональных литературных конкурсов. Автор книги стихов «Дышать акварелью». Проживает в городе Кемерово.

Виктория Сагдиева

«И ТЬМА ОДЕСНУЮ ТЕБЕ...»

Рассказ

ФОТОГРАФЫ БАРЕЛЬСКА

«Петрова проснулась с оформленным, как шкаф, осознанием, что ей надо сфотографироваться. Прямо сегодня, прямо сейчас... НАДО! Жизнь и молодость уходили от Петровой, каждый день приближая ее к банкротству. Петровой вот-вот стукнет тридцать. Если это еще и не старость, то уж точно предпенсионный возраст! Вбив в поисковик “фотографы Барельск”, она получила внушительный список желающих сфотографироваться как обнаженные, так и не обнаженные натуры. Какой натурой станет она, Петрова еще не определилась. Но вот цены... Цены не просто кусались — они, точно бульдожья пасть, схлопывались на незащитной шее Петровой. “Наверно, в Москве стоит не меньше”, — с грустью подумала она.

Попив утреннего кефирчика, Петрова решила, что она не гордая и ей терять нечего. С этим убеждением она села разглядывать фотографии подруг в “Одноклассниках”. В череду самопальных аватарок на заднем плане настойчиво проглядывали капустные и морковные грядки, бани и предбанники. Порой на снимки попадали люди, в фотографиру-

вании не заинтересованные, углубленные в личные дела — от поправления трусов до поглощения пива.

По сравнению с ними фотка Ленки получилась на загляденье и отдавала “высоким стилем”. Лена опиралась на стену кирпичной кладки. В опущенной руке ненавязчиво болталась бутылочка «Клинского». Дешевый алкоголь и матершинные надписи за спиной дополняли образ жесткой бруталки с района. Хотя в жизни, как помнилось, Лена была обычной пропитой домохозяйкой...»

ВОПРОСЫ БЕЗНАВРСТВЕННОСТИ

Вопросы безнравственности подходят так близко к вопросам литературы, что зачастую одни заменяют другие. Когда я допилась до того, что туфли стали туфлей, а весь район был осведомлен про алкоголичку с Химиков, 40, — я наконец-то прозрела! Таким макаром я скорее познакомлюсь с Белой Леди, чем выйду из творческого кризиса.

«Итак, Анна Иоанновна, не желаете ли взять себя в руки?» — задала я риторический вопрос своему опухшему отражению. Отражение колебалось со мной на одной частоте. Частоте отчаянного равнодушия. И все-таки, как шутят в народе, попытка не пытка, маразм не оргазм. Воспоминание про чисто гипотетические оргазмы больше насмешило, чем порадовало.

Я вылила остатки плебейской водки в канализацию. А в холодильнике водворился вполне себе благородный однопроцентный кефирчик. Что я писала в прошлом месяце? Можно ли реанимировать мертвый текст?

«Петрова проснулась с оформленным, как шкаф, осознанием, что ей пипец как надо сфотографироваться. Прямо сегодня, прямо сейчас...» Серьезно? Я хотела написать рассказ про фотосессию? Одноклассники и фотографы Барельска объединились?!

«Это дно, подруга, понимаю теперь, почему ты запила!» — вслух самой себе посочувствовав, я собиралась продолжить духовную экзекуцию. Но началось непоправимое.

Запой — это как погружение на глубину. Не каждый выберется живым. Знайте, детки, Анна Иоанновна — подводник со стажем! На комод выстроилась армия спасительных пузырьков и пилюль. Я была в запое рекордных 20 дней! Чем дольше вы бултыхаетесь в непроглядном мраке, тем страшнее расплата по возвращении на трезвую грешную землю.

10 ЧАСОВ ТРЕЗВОСТИ

Все начиналось стандартно. Мелкая дрожь в руках переходила в ощутимую тряску всего тела. Сердце точно решило убиться в лепешку о ребра — оно долбалось об них со всего размаха, неостановимо. Запихивая в себя одну за другой таблетки от давления, анальгетики, транквилизаторы, я боролась с рвотным рефлексом. Чтобы закрепить мнимую победу, я запила лекарства коктейлем из валерьянки, корвалола и пустырника.

11 ЧАСОВ ТРЕЗВОСТИ

Познала горечь поражения. Рвало в тазик и мимо. Попутно вспомнились Довлатов и Ерофеев и иже с ними святые угодники пера и бутылки. А что если их стилистикой украсить мои мучения?

«...А что если читателям важен бэкграунд? Где родилась, где выросла, как дошла до жизни такой? Почему не спасли от распутства и пьянства ни Кант, ни Гегель с их философией? Интересна людям история падения человеческого. Расскажи-ка нам, Петрова, как же растет и развивается этот зверь женского алкоголизма. Как завладевает телом и душой.

Даже Довлатов не мог написать в своем «Заповеднике» в простоте душевной «я бухал». Нет, у нас так не принято. Раз бухал, так будь любезен оправдывайся. И Довлатов оправдывается: я бухал по причине ухода жены, семейной драмы, краха надежд.

А если ты бухал, потому что привык бухать, то ты, значит, напоследнейшая свинья и нет у тебя ничего святого за душой — ни Канта, ни Гегеля, ни Божьей матери с прочими угодниками. В России на все должна быть уважительная причина. Даже у Веночки она была — тонкая душевная организация.

А что, если у меня нет ни тонкой, ни толстой? Да и на семейную драму ничего не спишешь. Выпивала и выпивала в свое удовольствие. Только удовольствие потихоньку таяло, пока и вовсе на дне стопки не растворилось. Оно-то, конечно, растворилось, а привычка осталась. Ну, спрашивается, кого такой бэкграунд на пролитие слез о загубленной душе вдохновить может?»

Как нельзя кстати пришла Ира. Я поползла на четвереньках открывать ей дверь.

ВСТАНЬ И ИДИ!

Ира — мать двоих детей, не собиравшаяся останавливаться на достигнутом. Посеребренный крестик на черной веревочке да простенькое обручальное кольцо — вот и все Ирины украшения. Но стесненное финансовое положение не мешало Ире вести бурную деятельность по спасению душ наркоманов, проституток и прочих маргиналов, попадавших ей под руку. Мы познакомились три года назад. И с первой нашей встречи ей даровано было прозрение, что меня может исправить только монастырь. Почему я общалась с этой странной женщиной, которая своими проповедями могла бы обратить в бегство целое племя зулусов? Все очень просто — она была единственным человеком, который меня не осуждал.

— Господи, Анечка, неужели тебе так плохо? — она сочувственно всплеснула руками и покачала головой над моим скрюченным остывающим телом.

— Как видишь, — констатировала я охрипшим от тошноты голосом.

— Анечка, да ты себя погубишь! Нельзя же так испытывать Божье терпение.

— Иисусе! — я парировала слабо и неубедительно, продолжая свой скорбный путь на четвереньках обратно от дверей к дивану.

— Анюта, мне кажется, пришло самое время поехать тебе в монастырь. Дальше откладывать нельзя. А то может стать слишком поздно. Подлечишь душу, протрезвешь, сил духовных наберешься. Вся твоя жизнь начнется заново!

— Ира, я так не могу... Я не готова. Особенно сейчас, вообще не в кондиции, — отбивалась я от нападок подружки, пытаюсь взгромоздиться обратно на родимый теплый диван.

— Аня, Бога ради, встань и иди!

Было что-то в этом «встань и иди» неосознанно-библейское, что меня улыбнуло. Я клятвенно обещала подумать над возможностью добровольно-принудительной госпитализации в стены женской обители. В ближайшее к полнолунию время.

БЕЛАЯ ЛЕДИ

Сказать по правде, о монастыре мне не мечталось. Надо мной висела сдача 520-ти тысяч знаков в процветающее издательство, которое уже оформило со мной отношения по договору и сделало «посильную» предоплату.

А если кому-то неизвестно, то «посильной» называется такая предоплата, благодаря которой автор в течение нескольких месяцев хоть и ходит с горящими то ли от вдохновения, то ли от недоедания глазами, но все ж таки написать роман и не издохнуть ему с такими деньгами по силам. До сдачи текста у меня оставалось четыре месяца — и половина недописанной книги. Но Белая Леди способна творить чудеса.

В первую ночь трезвости меня продолжало полоскать и знобить. А стоило только провалиться в забытье, как я становилась пленницей двухмерного пространства. Я валялась на кровати, как распластанная камбала на дне морском. А глубина надо мной не просто давила, а начинала душить. Воздуха не хватало. После отчаянной борьбы я вырывалась наружу, чтобы отдышаться. Но потом, забыв о предосторожности, вновь падала в пучину плоской рыбешкой.

Любой алкоголик знает, что надо бояться второго-пятого дня выхода из запоя. Когда к несчастным приходит белая горячка и окуривает ладаном безумия. Говорят, что по разрушительному влиянию поцелуй Белой Леди не уступает удару в голову, вырубившему вас на боксерском ринге. Сравнение белой горячки с потешным зверьком мне никогда не нравилось. Приход Белой Леди окутан драматизмом и мистикой. А эвфемизм с пушистыми ушками лишь опошляет последний акт человеческой пьесы.

Это случилось на третий день. Квартиру стали наполнять, точно ветер, странные шепоты. Они звучали повсюду, куда бы я ни повернула голову. Постепенно голоса становились громче.

— Ты хочешь ее съесть?

— Нужен определенный план!

— Пошлые контаминации!

— Того и гляди убежит в монастырь!

— Заткнитесь все! — заорала я, но вспомнив, что воплями могу заинтересовать соседей, примолкла.

«Мне нужен кефир! — решила я уже про себя. — Много кефира». И с этой спасительной мыслью под несмолкающий шепот двинулась на кухню. Мне становилось хуже. Мои органы трясло, как овощи под градом. Но я, не подавая виду своим «друзьям», бодро маршировала к холодильнику. Впрочем, мне не суждено было залить сумасшествие кефиром.

Много мелких птиц кружились за окном. Они делали немислимые кульбиты и выщелкивали веселые трели. Их пение заставило обратиться даже моих непрошенных гостей. По крайней мере, я их больше не слышала. «Ну и прекрасно, — подумала я, — синички так и вьются под моим окном!» А ведь это могло бы стать достойной кульминацией романа. Надо закругляться с чернухой. Пусть Петрова однажды проснется и увидит си-

ниц за окном. И у нее все получится. Это утро станет началом ее исправления.

Я продолжала заворуженно следить за синичками, и все было хорошо, пока у них не появились скейтборды и самокаты. Тут меня с новой силой затряс озноб, и я схватила с кухонного стола нож — так, на всякий случай. Господи, я стою на пороге царства безумия! Я прильнула к стеклу и посмотрела вниз. Восемь этажей отделяли меня от трезвой земли. А сотни пернатых бесновались, разъезжая за моим окном по воздуху и водоотливу на самокатах и досках. Внезапно одна птаха со всей дури долбанула по стеклу клювом:

— Эй, давай к нам!

— Давай к нам! Давай к нам! — заголосили за ней остальные. На крохотных синичьих тушках вместо птичьих голов теперь проявлялись морды чертей.

— Ох, млять! — заорала я, отпрянув от окна, и впервые в жизни перекрестилась.

МЕЖДУ ПСИХИАТРИЧЕСКИМ И ДУХОВНЫМ

В следующие дни я была вынуждена углубиться в вопросы патогенеза своего состояния. Между психиатрической и духовной трактовкой пролегла целая пропасть. Мне был дарован выбор — либо считать себя психически больной, либо бесноватой.

Как ни странно, в этом вопросе медицинская (научная) точка зрения несуразнее церковной. Можно ли считать, что больной мозг способен продуцировать голоса и картинки? Распадающиеся кластеры сознания наделили «моих друзей» волей, интеллектом, задали им конкретный вектор деятельности. Как нечто поврежденное может породить цельное? При слабом сигнале цифровая картинка рассыпается на пиксели. А все сломанное барахлит и стремится к распаду. В моем же сознании, если придерживаться научных объяснений, будто произошла «надстройка», и теперь мой мозг наделил меня кучей недурно соображающих личностей.

Церковная же назидательная трактовка гласила, что духи злобы поднебесные крутятся вокруг нас денно и нощно. Но милостью Божьей они сокрыты от наших глаз. Человек, впавший в грех, лишается Божьей защиты. И тогда приходят ОНИ и начинают хозяйничать. Таким образом, в моем организме после винно-водочных возлияний не хватало благодати, а мои приживальцы были каноническими бесами. По духовным законам благодать можно вернуть, не прибегая к таблеткам. «Что ж, попытка не пытка, маразм...» — а впрочем, опустим про маразмы.

НА ПЛАВУ

И наконец, все обдумав, я решила позвонить матери.

— Мама, ты меня не теряй, если что, я еду в Ерепеевский монастырь на неделю, может быть, две... ненадолго, — как-то совсем неуверенно закончила я.

— Совсем допилась! — подытожила мать и, не прибавив ни слова, бросила трубку. Что и говорить, поддержка от родственников — это то, что нас держит на плаву!

Перед отъездом Ирина провела со мной разъяснительную беседу. Правда, голоса в моей голове упорно не желали слушать подругу. Я пыталась записывать важное, но сильно буксовала. Все ментальные силы я бросила на то, чтобы игнорировать демонов, вылезших из пропитого подсознания.

— В женском монастыре самая главная — настоятельница. К ней нужно обращаться «матушка», — говорила Ира.

— Точно, в монастырь удерет, — злобно замечал первый.

— Анафематствовать! Анафематствовать! — возмущались остальные.

— Настоятельница узнать легко: она носит большой крест на груди поверх облачения. Матушку Ерепеевского монастыря зовут Киприана, — продолжала подруга.

— Повезло так повезло! — кричал легион.

Вымотанная неравной борьбой, я погрузилась в такси и помахала Ире на прощание. Ровно неделя, как я в завязке, а мои «друзья» и не думают меня покидать. Белая Леди ушла, но оставила мне подарок, и я боялась, как бы он не оказался на всю жизнь.

У меня был знакомый Костя. Однажды он вышел из реанимации психиатрической больницы, где за Костины мозги с алкогольным делирием боролись нескончаемыми внутривенными и внутримышечными инъекциями. Но, оказавшись дома, он с ужасом обнаружил, что его внутренние органы, несмотря на все старания врачей, не потеряли дара речи. Больше всех убивалась печень. Она утверждала, что имей она зубы — закусала бы Костю до смерти. При повторной встрече психиатры поздравили Костю с тем, что он стал хроником и полному излечению не поддается. Зато сможет прекрасно жить на ежемесячное пособие по инвалидности в семь тысяч рублей. Костя сильно усомнился в последнем радужном пункте их заявления, но от денег отказываться не стал.

ПРАКТИЧЕСКИ ОДНА

Обитель, находившаяся в глухой деревушке Ерепеевке, была размером с саму деревушку. Как рассказывала Ира, сюда стекались паломники со всей области. Других женских монастырей в регионе не было.

Вот он, монастырь! Стены белокаменные, врата резные, купола на церкви голубые, корпуса жилые, по всей территории раскиданные, да могилки штуки три схимонахинь, в Бозе упокоенных. Аминь!

— Цветучков понасадили тут! — проворчал голос в голове.

Я присмотрелась: точно, всюду клумбы и под каждым окном горшки с цветами. Может, хватит мне для первого раза ощущений? Огляделась, осмотрелась, пора и честь знать. В конце концов, еще не поздно назад таксиста вернуть. Пока монастырские меня не заметили, да к работам не привлекли.

Но тут из ближайшего корпуса вышла матушка Киприана. Как и обещала Ира, я узнала ее по большому кресту поверх одежды.

— Вы, наверное, знакомая Ирины? Она сказала, что Вы сегодня подъедете.

Я скромно кивнула, давая понять настоятельнице, что ее прозорливость работает безупречно.

— Вы одна приехали?

— Ммм... эээ, — тут я вспомнила про своих затаившихся «друзей», — практически одна, да!

Матушка смотрела на меня и улыбалась так, будто встретила пятилетнюю потерявшуюся девочку. И вот, чтобы ребенок не испугался и не разревелся еще больше, для него включили мягкую дежурную улыбку.

— Найдите в церковной лавке мать Анастасию. Она проводит Вас в паломнический домик. Простите, мне нужно уезжать. Мы с Вами позже еще поговорим.

Казалось, легкий летний ветер бережно нес за матушкой ее черную мантию. Я смотрела ей вслед до тех пор, пока она не повернула за церковь, скрывшись из вида.

Первым, кого мне повеселилось встретить на подходе к дому Господню, была вовсе не мать Анастасия, а раб божий Олег. Раб был неотесан, небрит и в поношенной робе. Однако это не помешало ему поприветствовать меня на правах местного Дон Жуана:

— Привет, красавица, не меня ищешь?

— Отвали, Олег! — рявкнула я.

Он побледнел:

— Почему знаешь, как меня зовут, ведьмовка?! — и, пятясь, но не сводя с меня глаз, отошел подальше.

А в самом деле, откуда я...

— Знаем, мы вас всех знаем.

— Тот еще балбес.

— Такого и пугать неинтересно, — снова зашептались «знакомые».

— Ах, ты ж черт! — сдавленно простонала я. Веселье продолжалось.

ОКТАБРИНА/АЛЕКСАНДРА/ МИХАИЛА/КСЕНИЯ/АДРИАНА

Меня беспокоил вопрос: почему мои «друзья» с улицы перебрались в голову? Теперь они вещали откуда-то изнутри. Что это значит? Голоса в голове — это начало исцеления или совсем наоборот? А способность этих товарищей подкидывать мне тайные знания, как произошло с Олегом, нарастаживала до усрачки. В невеселых размышлениях я добрела с матерью Анастасией до паломнического домика. Внутри он представлял из себя одну большую комнату, в которой в два ряда стояли двухъярусные кровати да пара шкафов. В деревянном домике было электричество, туалет и раковина с краном. Никаких душевых кабинок или ванн.

— Валим отсюда, тут даже помыться негде, — увещевал меня самый назойливый голос.

— И никуда я отсюда не поеду! Пока вы все не сдохнете! — прикрикнула я на опостылевшую тварь. И тут, к своему удивлению, я услышала скрип открывающейся двери. На пороге передо мной стояла старая монахиня. Расшитое красными крестами облачение и заостренный «капюшон» на голове.

— С кем перебранку устроила? — спросила она без вступлений слегка дребезжащим голосом.

— Да, знаете, по телефону, с... кхэ-м... кавалером... отношения выясняла.

— Не позавидуешь тебе с кавалерами. — Мне показалась, что монахиня слегка усмехнулась.

— Еще одна прозорливица!

— Послать бы ее куда...

— Простите, а как Вас зовут? — окликнула я уже выходявшую себе-седницу.

— У меня много имен, — таинственно улыбнулась старушка, и под моим недоуменным взглядом прошоркала на улицу, продолжив путь по своим делам.

«Какая загадочная», — подумала я.

Но в жизни все оказалось более прозаично. Схимницу звали мать Адриана. Когда-то простая советская женщина Октябрина пришла в церковь и покрестилась в Александру, так как никаких Октябрин в святцах, само собой, не было. Через некоторое время Александра стала жить при вновь открывшемся монастыре. И через пару лет ее ждал первый постриг в инокиню с именем Михаила. Потом Октябрина-Александра-Михаила стала монахиней Ксенией. А год назад ее постригли в схиму и нарекли Адрианой. В силу более чем преклонного возраста мать Адриана путалась в своих именах и часто забывала, кто же она теперь. Поэтому галантно выходила из ситуации, предпочитая казаться загадочной женщиной.

В ТРАПЕЗНОЙ

За обедом в трапезной я сделала ряд неприятных открытий:

1) В монастыре не ели мяса вообще. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

2) Я приехала в самый разгар Петрова поста. До 12 июля о молочном тоже можно было забыть.

3) Была среда. Среда и пятница — дни самого строгого пощения. Прощай, рыбка большая и маленькая, соленая и вяленькая.

4) Я никогда не думала, что я так привязана к нормальной человеческой еде и бургерам из КФС.

В моей тарелке возвышался комок горелой пшенки, напоминающий о непробиваемых крепостных стенах (после трапезы матушка даже сделала уговор сестре-повару за неудавшийся обед и «неправильное духовное устройство»). На столе был и десерт — постные печенюшки и леденцы. Я окидывала монахинь ошеломленным взглядом и удивлялась, как они еще с таким питанием не померли.

Пока мы ели, одна сестра читала жития святых. Душеспасительную литературу, как выяснилось, читали на каждой трапезе, чтобы неокрепший ум новоначальных даже за едой пребывал с Богом. В начале трапезы я еще уговаривала себя скушать ложечку «за матушку» и «за батюшку». Но скоро я стала вслушиваться в читаемое. Увы, имя мученика я не запомнила. Но конец его постиг ужасный. Турки надели ему на голову раскаленный шлем и сдавили виски, так что глаза вылезли из глазниц. От переживаний у меня булькнуло в животе, и я отодвинула от себя тарелку с пшенкой. Сестры, видимо, были закалены подобными поучительными историями и продолжали флегматично жевать постную кашу. Дальше в течение нескольких дней святого подвергали побоям и секли мечом. Тут одна инокиня все-таки не выдержала и, сочувственно покачав головой, перекрестилась. И, наконец, мученика повесили. Раздался звон колокольчика — трапеза завершилась.

РАБОТА ПОД ПРИКРЫТИЕМ

Я получила свое первое послушание: помогала наводить порядок в трапезной, мыть тарелки после обеда. Оказалось, что моими соседками по домику были сестры-близняшки Леся с Машей. На кухне мы и познакомились. На правах старшей я взялась просвещать девчонок.

— А вы знаете, что монастырская речь плюет даже на правила русского языка? Вот, например, как обращаются к настоятельнице?

— Матушка, — хором ответили близняшки.

— А «матушка» склоняется? — продолжала я, будто стою на уроке.

— Конечно! — ответила Леся. — Я пошла к матушке. Мне бы встретиться матушку.

— Хорошо, а как обращаются к инокиням и монахиням?

— Мать, — опять вместе ответили сестры.

— А в речи мы склоняем это слово?

— Да, — на автомате выпалила Леся.

— А если подумать?

— Ой, а и вправду не склоняем, — удивилась Маша. — Я пошла к мать Анастасии. Мне бы встретиться с мать Анастасией.

— Именно. Что бы вы ни говорили, мать не станет матерью или хотя бы «матью». «Мать» универсальна и стоит над русской грамматикой.

— Анна, а Вы, наверное, учитель? — раздалось у меня за спиной. Это была благочинная — мать Рафаила. Вот уж кто действительно был несклоняем, так это она.

— Не пались, дура.

— Хоть кто, только не писатель.

— Работай под прикрытием.

Впервые за время нашего «сожительства» я решила, что мои «друзья» подкинули дельную мысль.

— Да, учитель русского и литературы, — соврала я, не отводя взгляда от настойчиво-вопрошающих очей главной матушкиной помощницы. Благочинная — это та сестра, которая во время отъезда настоятельницы на вопрос «где матушка?» без зазрения совести отвечает: «Я за нее!» Серый кардинал, хитрый визирь — все эти клише как нельзя лучше подходили к облику мать Рафаилы.

— Прекрасно! Я расскажу об этом матушке Киприане. У наших девочек большие проблемы с родной речью. Неплохо было бы, если бы Вы их подтянули.

— Что еще за девочки? — спросила я у близняшек, когда благочинная удалилась.

— Да ты что, не знаешь? При монастыре есть целый приют. Двадцать воспитанниц.

— Двадцать? Мать честная! Откуда столько?

— Дети алкашей и наркоманов, матери в детдом сдали, а матушка уж их оттуда в приют...

Как ни странно, слово «алкаши» меня задело. Точно близняшки обвиняли не кого-то, а меня, ни разу не рожавшую, в сломанных детских судьбах.

— И где они все? Я еще ни одной не встречала.

— На днях должны вернуться с моря.

— Очень хорошо! — соврала я второй раз за день и беззаботно улыбнулась. Хотя внутри под дикий гогот своих «товарищей» я орала про то,

что ненавижу детей, у меня нет педагогического стажа, а только не к месту законченный журфак! И это все значило лишь одно — я оказалась в полной заднице!

Из прочих интересностей, что я узнала от близняшек о монастырском приюте, запомнилась история о мать Параскеве. Сестра Параскева, как утверждали девчонки, была на редкость миролюбива. Поэтому-то ее поставили за главную в приюте. «Бледна и бесшумна, как призрак», она очень быстро заражала всех своим спокойствием. Даже дети с грубыми психическими отклонениями под ее благодатным окормлением становились кротки и тихи.

Ну что же, если угрозы благочинной оправдаются и я стану учителем, то надо будет хоть чутка пошуметь с воспитанницами. Небольшая порция безудержного веселья еще никому не вредила.

СИЛЫ БЕСПЛОТНЫЕ

Как я заметила, в монастыре было много монахинь, при постриге нареченных в честь ангелов, архангелов, серафимов. Видимо, игуменье нравилось такое обильное покровительство над монастырем крылатых заступников, а по-церковному — «сил бесплотных». Михаила, Гавриилы, Серафимы (привычные для русского уха) будто витали по обители на своих невидимых крыльях. Благочинная, как оказалось, названная Рафаилой в честь архангела, также относилась к сонму монастырских бесплотных.

Но в обители жила и одна «зловещая» монахиня, с пугающим простой люд именем Селафиила. Услышав, как ее кличут в первый раз, я чуть было не съязвила: «А что, у вас тут и в честь демонов называют?» К счастью, я утерпела и смолчала. Но от любопытства бросила послушание и побежала погуглить это таинственное слово, больше походившее на заклинание по черной магии. Ага...

Уриил Иеремиил Селафиил
Иегудиил Варахаил

Варахаил Уриил Иеремиил
Селафиил Иегудиил...

Надо же, это всего лишь архангелы, а не голос бездны. Хотя, признаюсь, мне упорно кажется, что при долгом повторении этих имен раз за разом паззл может сложиться, и портал в мир иной разверзнется. Наверное, это даже хорошо, что к бесплотной мать Селафииле еще не прибавилась мать Иеремиила и ее сестра по тарабарскому имени мать Иегудиила. Даже с бесплотными силами стоит знать меру и держаться за традиционные наименования.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПЛАСТ

Вечером я твердо решила, что буду перед сном уделять пару часов написанию книги. Зря я, что ли, тащила из дома свой ламповый ноут? В увешанной иконами комнате он казался особенно родным. Первыми на очереди стояли недобитые фотографии Барельска.

«...Петрова встретила с желанным фотографом уже через пару часов. По телефону он был сговорчив и оценил свой труд в две бутылки водки. Петрова была слишком неопытна в вопросах художественной фотографии и сразу принесла оплату в черном пакете. Без особого энтузиазма пощелкав нескладную натурщицу у кустов сирени, Николай предложил:

— Знаете, в Ваших снимках не хватает драмы. Ведь что есть драма? Это сама жизнь. Которую Вы, может быть, утверждаете для всех смотрящих на Вас, на Ваш снимок. Понимаете, просто портрет — это неинтересно. Нам нужно отразить социокультурный пласт уходящей эпохи.

Из этого многословия Петрова поняла, что поразила Николая в самое сердце. И теперь он хочет создать шедевр с ее участием на века. И всего за литр.

Для создания социокультурного пласта, по мнению фотографа, очень подходила пустая бутылка водки на качелях.

— Но у нас нет пустых! — грустно заметила Петрова.

— Щас будут, — заверил фотограф...»

— Бедные учителя, даже летом работой заваливают! — посочувствовала мне вернувшаяся с послушаний Пчелка.

Я сделала лицо поприкорбней:

— Да, отчеты по годовой успеваемости — никуда от них не денешься.

К счастью для меня, собеседница не стала расспрашивать о подноготной школьной бюрократии. Пчелка была не паломницей, Пчелка была трудницей. Но жила в домике вместе с нами. Трудница — это задержавшаяся в монастыре паломница, «кандидатка» в послушницы. Такое промежуточное состояние между миром и монашеством могло затянуться лет на пять. Видимо, следуя монастырской привычке давать всем новые имена при постригах, трудницу Ольгу тоже переименовали — правда, в наше время.

Пчелка расплетала тугую косу волнистых волос. С ее приходом домик точно наполнил запах перезрелых яблок. Чтобы отвести разговоры от моего «учительства», я поинтересовалась:

— А где Леся с Машей?

— Тарелки после ужина домывают, где им еще быть-то? А меня в два ночи на чтение псалтири поставили... Ой, чуть не забыла, — неловко засмеялась Пчелка. — Мать Иоанна затемпературила, тебя попросили почитать в полночь вместо нее! Смотри, не усни.

Почитать так почитать. Я посмотрела на часы — десять вечера. Через два часа заступать на боевое задание. Неусыпаемая псалтирь, как считалось в монастыре, была самым эффективным средством по укреплению монашеского духа. Из-за нее сестрам не удавалось высыпаться. Зато они спасали души ночным бдением. Читали псалтирь в церкви по очереди непрерывно по двадцать четыре часа каждый день. Этой ночью мне предстояло выстоять свой первый богомольный час.

— О-хо, хо-хо, — с тоской подумала я. Тем временем внутри начиналось что-то невообразимое:

— Трусиха!

— Трусиха!

— Трусиха!

— Заткнитесь! Чё орете?! Никакая я вам не трусиха! — ответила я мысленно, так как вести перебранку вслух при Пчелке опасалась.

— Посмотрим!

— Посмотрим!

— Готовься к встрече с Хозяином!

— Каким еще, мать его, Хозяином?

— Нашим Хозяином!

Вся свора заржала. Меня перекосило. Милая Пчелка уже лежала под теплым одеялом. А я от волнения вскочила и начала бродить по комнате кругами.

— Не волнуйся, благочинная тебе объяснит, как читать псалтирь, — попыталась успокоить меня Пчелка.

— Да знаешь, как-то ночью в церкви... непривычно...

Трудница рассмеялась:

— Не трусь! Всех вначале бесы пугают. Им только того и надо, чтобы ты испугалась и молиться бросила.

— Да-а... и у тебя такое бывало?

— Еще как бывало! Я когда первый раз ночью псалтирь читала, в алтаре будто что-то бахнуло, такой грохот и звон стояли, будто все стекла разом выбило. Я с испугу к матушке напрямик понеслась, разбудила ее посреди ночи: «Матушка-а, спасите!!!»

— Прости, но мне бы еще поработать, — прервала я Пчелкины веселые истории.

Главное — не накручивать себя раньше времени. До двенадцати еще полтора часа. Я успею успокоиться и прийти в норму. Возьми себя в руки, дура, и допиши рассказ!

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ИНДИВИД

«Что-то неизбежное слышалось в тревожном шорохе листвы, когда фотограф открыл первую бутылку водки. Опьянение природой — легкое головокружение, дремота и слабость, нападающие на отдыхающих даже посреди дня, помноженные на спиртное, окрашивают отдых в минорные тона. Когда захмелевшие путники жмутся у костра и завывают “как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!”

Петрова ни разу в жизни не ходила в поход. Но заброшенная детская площадка на самом отшибе города, с полувыворчеванными, готовыми упасть качелями, и сорокаградусный покой сделали свое дело. Петрова почувствовала себя брошенной — в этом городе, этом мире — и заплакала. Она плакала в листья чертополоха. Стенала, усевшись в пыли у качелей, готовых раскрыть ей голову. Наконец, просто валялась калачиком на земле, уставившись взглядом куда-то за край пустыря, пока и вовсе не уснула.

Через неделю Петрова получила “на мыло” фотографии — очень социальные и правдивые. Боль и отчаянье так и стекали с этих снимков. Был в них и крах жизни, и крах страны, и конец времен. Всего этого было так много, что Петрова незамедлительно все удалила. Она предпочла оставить в соцсети старую аватарку. Только отчего-то подписала себе загадочный статус: “Драматический индивид”».

Приближалась полночь. Инструктаж от благочинной по чтению Псалтири был пройден. Пчелка и близняшки посапывали в кроватях. Я грызла ногти. Меня волновал вопрос страшнее гамлетовского:

«Явится или не явится?» Может ли вообще зло расхаживать по церкви? Вспоминался Гоголь и его «Поднимите мне веки!» Знал ли классик русской литературы, о чем писал? Наконец, накинув толстовку, я вышла во мрак.

«И ТЬМА ОДЕСНУЮ ТЕБЕ...»

В церкви я должна была сменить мать Елисавету. Монахиня выглядела спокойной. Если она еще и не могла воскресить покойника, то припечатать крестом восставшего мертвеца мужества бы у нее хватило. Мать Елисавета сдала мне пост и собиралась уходить:

— Закрой за мной дверь.

— А это обязательно? — уточнила я.

— Разумеется, обязательно! Мало ли кто ночами по задворкам шарается. Решат в церковь залезть, ограбить. Тебя побьют.

— Конечно, конечно, — согласилась я, понимая, что про свои позорные планы стремительного бегства лучше не рассказывать.

Я осталась одна за закрытой дверью. Аналой с псалтирью стоял прямо посередине погруженной в потемки церкви. Горела только настольная лампа, склонившая голову над бессмертной книгой. Мне досталась 12-я кафизма. Знание старославянской азбуки, не забытой со времен бурных студенческих возлияний, упрощало чтение.

«Приклони, Господи, ухо Твое, и услыши мя, яко нищ и убог есмь аз», — неуверенно начала я свой бубнеж. На улице завывли ветер и собака.

«Сохрани душу мою, яко преподобен есмь...» — Казалось, тьма вокруг меня стала колебаться. Вой снаружи не прекращался.

Надо успокоиться, это всего лишь церковь, а не тюремное кладбище пожизненно осужденных преступников. Я перестала замечать, о чем читаю, мысли шли своей отдельной, не богомольной тропой. Как вдруг вой снаружи резко оборвался, и на меня упала гнетущая тишина. Мой голос съездало пространство. Это пугало. Ведь днем из-за хорошей акустики любой шорох в стенах церкви раскатывался звучной волной от края и до края. Мое же чтение псалмов больше походило на пиццание мыши, запертой в кладовке. Я конвульсивно вздохнула, вытерла липкие руки о черную юбку и попыталась прибавить громкости. Но тут пришло время читать записки о здравии. Их был целый ворох. Я спотыкалась о трудночитаемые закорючки имен. Наверно, больше половины записок было написано слабовидящими бабульками с трясущимися руками. Мои руки тоже тряслись, а нарастающая тревога беспрестанно подгоняла.

— А... А... А-натолий, Е... Е... Е-лампы, — визгливо выкрикивала я, боясь хоть на секунду оторвать глаза от проклятых листочков и осмотреться вокруг.

Вкрадчиво заскрипели стасидии. Эти откидные сидушки издавали странной замогильный звук. Перекладывая прочитанную записку сверху вниз, я нечаянно отпустила всю стопку, и она бухнулась на пол кирпичом. Вместе с ней бухнулось и мое сердце.

— Все! С меня хватит! Это слишком! Я включаю свет, — крикнула я поуверенней и побежала к выключателю. Я включила люстру под потолком, включила свет в притворе, даже зажгла лампадку, висящую перед иконой Божьей Матери. Я была довольна устроенной иллюминацией.

— Ну что, продолжаем читать! — бодро огласила я свое решение умол-

кшим стасидиям и даже подмигнула Пресвятой Деве. На часах было 12:20. Оставалось выстоять каких-то 40 минут.

Как бы я ни убеждала себя, что надо сосредоточиться и не отвлекаться, я не могла утерпеть и поглядывала на икону Богородицы. С того момента, как я зажгла перед ней лампадку, меня не покидало чувство, что икона следит за мной. Очень быстро это чувство перешло в совершенную уверенность. Я начала чувствовать на себе ее пристальный взгляд. От этого взгляда я потела и нервничала, с изумлением осознавая, что его природа враждебна. Постепенно во взгляде с иконы стали ощущаться тяжесть и злоба.

«Этого не может быть, потому что этого не может быть», — решила я про себя. Не желая больше малодушничать, я взглянула прямо на иконописный лик — и завизжала. Изображение поплыло, алая накидка Девы Марии стекала на руки, а руки выплескивались на оклад. Вместо глаз на меня взирали клубящиеся темнотой глазницы.

Размахивая руками, опрокинув аналой и псалтирь, я ломанулась к выходу. Но засов, который было так легко закрыть каких-то полчаса назад, теперь не поддавался.

— О, Боже! Это ловушка. Ловушка! — орала я. Божья церковь на глазах превращалась в капище Сатаны. Надо было что-то делать. И тут я узрела стаканчик с фломастерами в открытой церковной лавке. Мне некогда было выбирать уместный цвет. Поэтому через секунду я уже стояла в зеленом круге на каменном полу. Немного отдышавшись, я успокоила дрожащие руки. И без пятнадцати час бесславно бежала, так и не дочитав кафизму. Я продула задание, они укрепили позиции.

С утра меня разбудила сама матушка Киприана.

— Ну, иди, отмывай свои художества. Вечером с тобой поговорим, — только и сказала она.

КУРЕВО, КОТОРОЕ ЕДЯТ

— Залечить бы душу, водочки дрябнуть пару стопочек.

— С колбаской, с колбаской.

— Сидишь одна дома, и никто тебя не трогает.

Мои «квартиранты» стали навязчивей. А сестры делали вид, что ничего не случилось. С утра про мое ночное приключение знали все, но с расспросами не лезли. Теперь на меня смотрели, как на «болященькую». Но, на удивление, от меня не шорохались и даже «полечить головку» в город не отправляли. Только слышала, как на воле, сразу за монастырской стеной, Олег с жаром убеждал кого-то:

— Ведьма, чистая ведьма!

Мои «братья по разуму» не смогли промолчать:

— Вот бы его шугануть.

— Да посылнее!

Соблазн был слишком велик, и я не устояла. Стоило мне выйти за ворота, как болтовня прекратилась. Монастырский охранник и два деревенских незнакомых мне мужика смолкли вместе с Олегом.

— Привет, ребята. Угостите сигареткой?

— У нас тут женщины не курят. Хочешь курить — езжай в город, — ответил охранник.

«Зубы кривы, черты лица некрасивы», — отметила я про себя. Похоже, мужчины — это проклятье женского монастыря.

— А разве я сказала, что буду курить? — лукаво подмигнула Олегу. Впрочем, я понимала, что шарм ненакрашенной женщины в цветастом платке и юбке в пол лучше не переоценивать.

— Можно?.. Я всего одну. Вы не обеднеете, — взяла я инициативу в свои руки вместе с пачкой сигарет, которую выхватила у Олега. И, точно искусленный шпагоглотатель запрокинув посильнее голову, ловко закинула одну сигарету прямо в горло перед своими глуповатыми зрителями.

— Ам! — возвращаясь в адекватное обличье, прокомментировала я случившееся.

Один деревенский, не выдержав шоу, высказался, видимо, за всех окруживших меня мужчин: «Ох ты ж сука». Я предпочла оставить без внимания этот сдавленный стон застоявшегося либидо. Как-никак, козлом отпущения в этой компании должен стать другой человек.

— Спасибо, вкусные сигареты, Олег. Я их возьму с собой, если ты не против. Вдруг еще проголодаюсь.

Олег помрачнел, но промолчал. Несмотря на то, что фильтр сбросил с себя «первую ступень» из табачного крошева с бумагой и встал поперек горла, я смогла натужно улыбнуться и помахать деревенским на прощание.

— Красотка! Красотка!

— Выше всяких похвал.

— Спасибо, — наконец-то уложив в желудке всю никотиновую ракету без остатка, прохрипела я своей «группе поддержки». У главного корпуса я с облегчением пульнула в урну смятую пачку сигарет. Как ни странно, за свою выходку и ее тошнотворные последствия я больше всего злилась на Олега, точно он заставил меня это сделать.

РАЗГОВОР ПО...

В главном корпусе на втором этаже была келья настоятельницы, а на первом — трапезная. Какая из этих двух причин сделала ничем не отличающийся от других корпус главным, я затруднялась ответить. После эффективного заглаживания сигареты я спешила в трапезную выпить воды. Я боялась, как бы табачная крошка не начала выкашливаться обратно. А еще эта разлитая горечь во рту, похожая на ту, когда тебя рвало пару часов без остановки, и вот из тебя извергается желчь... А потом так нестерпимо горько, что дыхание начинает перехватывать.

— Анна, матушка просит Вас срочно к ней подняться! — прервала мое водолечение сестра, чье имя мне так и не суждено было запомнить.

Даже так! Настоятельница хочет поговорить со мной сейчас, не дожидаясь вечера.

Я постучала и начала, как я ее сама окрестила, «отпирательную» молитву. В монастыре на каждой двери (кроме туалетной) была прибита табличка со словами:

«Молитвами святых отцов наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас».

Когда надо было попасть в келью к сестре или матушке, то следовало после молитвы дожидаться разрешительного «Аминь». Если же ты постучал в дверь, прочитал молитву, а из кельи в ответ ничего не раздалось — полагалось с покорностью удалиться, а не тарабанить с новой силой. Вот такой монастырский этикет.

Протяжное «аминь» раздалось за дверью, и я вошла. Матушкина

келья состояла из двух комнаток: приемной и спальни. Мы уселись на диванчике в приемной. Я смотрела на настоятельницу и думала, какую малую часть этой женщины я вижу. Свободны от монашеских одеяний оставались только кисти и небольшой треугольник лица. Он сужался от лба к подбородку, так что даже щеки наполовину были скрыты от глаз черной непроницаемой тканью. Матушка была почти вся спрятана от меня. И я удивлялась тому, как мало человека надо видеть, чтобы почувствовать его духовную силу. Матушка ею, безусловно, обладала. А я?.. Вспомнила позор прошлой ночи и мысленно с грустью вздохнула.

Наконец настоятельница прервала тишину.

— Видела сейчас твое выступление из окна, — матушка говорила с какой-то трогательной тревогой.

— Здорово! — попыталась отшутиться я, так как не знала, что бы такое соврать в свое оправдание, а потом зачем-то добавила: «Мне ваши мужики не нравятся! Странные они все какие-то».

Матушка даже не удивилась:

— А откуда же у нас нормальным мужчинам взяться? Все, кто хочет Богу служить, в мужские монастыри идут. А нам, уж так повелось, странненькие достаются.

Я сочувственно покивала. Конечно, видали мы ваших странненьких. Но тут разговор повернул в новое неприятное русло.

— Аня, ты понимаешь, что это тупик? Нельзя так к себе относиться.

Я думала, если игуменя и прочтет мораль, то это будут наставления из серии «В монастыре нельзя так себя вести». А она всего лишь сказала: «Нельзя так к себе относиться». Во мне назревало недоумение, что это вообще значит? «Так» относиться — это как? Я никогда в жизни не ставила перед собой подобного вопроса. Я ни разу не задумывалась о том, как я к себе отношусь. И чем мое отношение отличается от отношения к себе у «здоровых» людей.

Также матушка Киприана благословила меня причаститься. Я была незамедлительно направлена в монастырскую библиотеку за книгами о причастии и подготовке к исповеди.

— И постарайся подойти к причастию серьезно! Насколько это возможно в твоем случае, — напутствовала матушка на прощание.

Я шла к библиотеке. Что-то грязное и темное во мне старалось забыть поскорее весь этот разговор по душам. Мой разум поддерживал духовное дезертирство. Так как серьезным и задумывающимся о себе он никогда не был. И вообще, абсолютно не понятно, чем стану я после всего этого переформатирования. Только глупое сердце верило настоятельнице и стучало о том, что я нуждаюсь в исправлении срочно, прямо сейчас. Меня мутило.

БЛУДНЫЕ ТРОПЫ

Итак, мне надо было подготовиться к первой в жизни исповеди. Взяв книгу «В помощь кающимся», я пошла в паломнический домик с твердым намерением ничего не утаить.

«Смертные грехи, нуждающиеся в исповедовании в первую очередь: убийство, блуд...»

Так, блуд — это да! Я задумчиво погрызла ручку и старательно написала на листочек первое слово:

БЛУД

Почитав еще немного, я поняла, что моей исповеди не хватает покаяния. «Черт с ним, будем считать, что это черновик, потом перепишу красиво», — убеждала я себя, зачеркивая «блуд» и подписывая ниже:

КАЮСЬ В БЛУДЕ

К середине книги я узнала, что, каюсь в грехах, необходимо исповедовать количество совершенных злодеяний. То есть если воровал дважды, то так и надо писать. Формулировка на листочке претерпела изменения:

Я БЛУДИЛА

Ой, а сколько же раз я блудила? Что же мне теперь их все считать? Как все это сложно! Да и вообще, слово «блудила» мне не нравилось. А если иначе? Не блудила, а

ЗАНИМАЛАСЬ БЛУДОМ

Нет, все же нет. И тут меня осенило:

ПРЕДАВАЛАСЬ ХОЖДЕНИЮ БЛУДНЫМИ ТРОПАМИ

Ооо! Прекрасно и художественно, есть какая-то романтика, а не только тупой секс. Осталось определиться с количеством хождений. Считаются ли разовые оральные утехи на теннисном корте полноценным блудом, если резинок не было и дальше этого дело не пошло? А и фамилия, и имя спорт-принца на следующий же день были преданы забвению. Проведя мозговой штурм, я пришла к выводу, что в этом вопросе количество партнеров важнее количества соитий. То есть с одним партнером ты могла ходить по блудным — кхэ-кхэ — тропам хоть раз, хоть сто двадцать раз. Значит, написав количество парней, можно было покрыть всю сумму хождений. Ничего не забыв. Главное честность.

ПРЕДАВАЛАСЬ ХОЖДЕНИЮ БЛУДНЫМИ ТРОПАМИ С ДВАДЦАТЬЮ ШЕСТЬЮ

Ох ты ж подстава. «Парнями» не напишешь. Ведь у меня были и мужчины, и даже один за пятьдесят.

ПРЕДАВАЛАСЬ ХОЖДЕНИЮ БЛУДНЫМИ ТРОПАМИ С ДВАДЦАТЬЮ ШЕСТЬЮ ПАРТНЕРАМИ

Нет, некрасиво! Как бы их обозвать более замаскировано, что ли, чтоб было не так близко к телу... Точно! Они субъекты. А это значит у них может быть любой возраст и даже пол.

ПРЕДАВАЛАСЬ ХОЖДЕНИЮ БЛУДНЫМИ ТРОПАМИ С ДВАДЦАТЬЮ ШЕСТЬЮ СУБЪЕКТАМИ

А все-таки, насколько один несчастный минетик на корте считается блудом? Вопрос философский и интересный. Но даже представить, что я с ним подойду к сестрам монастыря, было недопустимо. Однако для Бога я решила внести поправку — пусть он сам определяется, сколько и чего у меня было.

ПРЕДАВАЛАСЬ ХОЖДЕНИЮ БЛУДНЫМИ ТРОПАМИ С ДВАДЦАТЬЮ ШЕСТЬЮ — ДВАДЦАТЬЮ СЕМЬЮ СУБЪЕКТАМИ

Худо-бедно, с одним грехом разобралась, что еще там за мной числится?

И ПИЛА

Так, «пила» — насколько это обозначает мою проблему? Наверное, «пила» сказано слабо. Вдруг Бог решит, что я хочу преуменьшить степень своего греха, и моя исповедь ТАМ не зачтется! Я подписала: МНОГО. Но вспомнив про белую горячку, решила обозначить проблему целиком, без утайки. Крупными печатными буквами я переписала на чистовик:

ПРЕДАВАЛАСЬ ХОЖДЕНИЕМ БЛУДНЫМИ ТРОПАМИ С ДВАДЦАТЬЮ ШЕСТЬЮ — ДВАДЦАТЬЮ СЕМЬЮ СУБЪЕКТАМИ

И ПИЛА

МНОГО

ДО ЧЕРТИКОВ!

Все мои другие грехи меркли по сравнению с этими, и я решила, что для первого раза будет достаточно.

ТАЙНЫЕ ЗНАКИ

В трапезную я пришла минут за десять до обеда. Причащающимся был накрыт особый постный стол. Пощение перед причащением — это минус растительное масло и рыба на три дня. Передо мной стояли вареная сухая картошка без масла и зеленый лучок. Ладно, хоть соль не под запретом. Чтобы оторваться от скорбных мыслей о еде, я стала изучать уже набившихся в трапезную сестер. Особенно интересно было разглядывать благочинную. Я никогда толком не успевала этого сделать. Она все время суетилась и носилась больше всех. Даже в трапезную могла прийти с опозданием, или сорваться посередине обеда и убежать в только ей известном направлении. А тут на тебе: сидит, четки перебирает, хоть картину с нее пиши. Лицо такое острое, ахматовское, и в каждом уголке, каждом изломе — боль. А почему боль, попробуй выведай. Все равно не скажет. Внезапно благочинная повернулась прямо ко мне лицом и взглянула колющими глазами:

— И что ты так меня разглядываешь? Аж неприятно! Ты вот ехала, что думала? Что у нас здесь все святые? Что мы по небесам ногами ходим? А у нас здесь нет святых! Нет! Все простые, грешные... — Отчего-то она сильнее, чем обычно, поджала свои тонкие губы и, резко встав из-за стола, удалилась.

На трапезу больше она так и не вернулась. Сказать, что я чувствовала себя пристыженной, — ничего не сказать. После ухода благочинной в трапезной повисла гробовая тишина. Но ровно к началу обеда спустилась из своей кельи матушка. Видно было, что ее появление ободрило монахинь. Они приступили к трапезе с легкой душой. Я же отрешенно наблюдала, как не готовящиеся к причастию сестры смиренно пережевывали селедочкупряного посола. После стычки с матерью Рафаилой мой аппетит улетучился безвозвратно.

В конце трапезы игуменья взяла слово:

— Желаем мы того или нет, но в жизни каждого человека, даже человека, далекого от церкви, случаются чудеса и знамения. Увы, чаще их устраивают бесовские силы. Но Бог тоже может укрепить нас в вере таким способом. Господь, конечно, чаще попускает чудеса для новоначальных. Так как они слабы в вере и нуждаются в большей поддержке. Бывает не так просто распознать природу чуда. Ведь и демоны могут казаться Ангелами света. То, что от Бога, — всегда тихо и несет светлую радость, не приводя нас в смятение и волнение. Чудо, явленное бесами, напротив, вызывает ажиотаж, приводит в тревогу.

После обеда, стоя на вечерней службе, я жалела себя и проклинала Бога. За всю мою предыдущую жизнь и особенно в этот месяц я видела столько «чудес и знамений» от рогатых, что хватило бы на томик мемуаров «Мой опыт общения с нечистой силой». А вот Дух Утешитель ни разу меня своим присутствием не почтил. Я приехала в монастырь за помо-

шью. А вместо этого даже в стенах обители продолжала гонять чертей. Вот те же дурацкие синицы за окном... Да будь они настоящими птичками, а не плодом моего помраченного сознания — я бы поняла, что это знак. Знак для меня, и Господь меня любит. Я забилась в угол за Голгофу в надежде, что мое мокрое от слез лицо никто не увидит. Но Леся, ходившая по церкви и следившая за свечами, меня все-таки заметила.

— Ты чего? О чем убиваешься? — прошептала она. Блики от свечей плясали на ее молодом лице. Я знала, что в мае им с сестрой исполнилось по девятнадцать.

— Так... о птичках думаю, — шмыгнув носом, нехотя ответила я и забилась еще дальше.

В ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА

В нашем паломническом домике после ужина меня ждал сюрприз. Леся с Машей сидели рядышком на кровати и явно прятали что-то за спиной.

— Аня, мы хотели бы тебе книжку подарить, — начала Леся, пока я еще на входе переобувала уличные сандалии на резиновые тапочки.

— Душеспасительную, — добавила Маша.

Если вы спросите, как мне удавалось их различать, то я отвечу: никакого секрета тут нет. Я различала их по юбкам. У Маши — плиссированная серая, чуть ниже колен, у Леси — прямая темно-синяя в пол. Это было их самым явным отличием.

— Чтобы ты больше не унывала, — снова продолжила Леся и, похоже, смутилась.

— Короче, вот! — протянула мне Маша книгу.

Книга была толстой и дорогой. Золотое тиснение на обложке, яркие иллюстрации внутри.

— Мы хотели ее маме подарить. Но тебе нужнее.

— Ох, девчонки. Даже не знаю, как вас благодарить, — в смущении мямлила я, понимая, что неожиданному подарку обязана распущенными в церкви соплями. Наконец мой взор перестал плясать по разужореным страницам, и я решила прочесть что-нибудь более вдумчиво.

— В последние времена монахи станут как миряне, а миряне как бесы. Антоний Великий, — огласила я вслух прямо при своих дарительницах первую попавшуюся строчку.

В недоумении я оторвала взгляд от книги. Близняшки очень внимательно вглядывались в мое лицо, пытаюсь понять, понравилось ли мне прочитанное или нет.

— Сильно сказано, даже не поспоришь, — решила я добавить для их успокоения. — Наверное, о чем-то таком рыдает мать Рафаила темными вечерами, оставшись одна в своей келье.

Девчонки с готовностью улыбнулись. Среди немонашествующих мать Рафаилу чаще всего упоминали шутки ради. Но в этот раз я не была уверена, что пошутила.

В ночи я взглянула на книгу попристальней. В причудливых виньетках на обложке при тусклом свете я наконец разобрала название: «Речи святых отцов про последние времена». Ничего себе постирония! Если бы близняшки не были такими наивными молоденькими девчонками, я бы точно решила, что они надо мной поиздевались с этим «ободряющим» во всех смыслах подарком. Но иногда книга о последних временах — всего

лишь книга о последних временах, подаренная тебе от чистого сердца. Хорошо только то, что, возможно, я спасла их маму от сердечного приступа. Ведь женщины в возрасте часто такие впечатлительные. А тут что ни страница — черти и грозные ангелы с трубами.

ВОЗРАСТАТЬ И СОВЕРШЕНСТВОВАТЬСЯ

На следующее утро, как и обещали близняшки, воспитанницы приюта вернулись с моря, не успела я и глазом моргнуть. Я смотрела на них опасно, по возможности издали и думала о том, что я решительно не готова становиться учителем русского языка и литературы. К моему недовольству, они меня очень скоро заметили. Сначала наши переглядывания не сулили никакой катастрофы. Но уже днем мне стали при встречах подмигивать и махать руками. Я сдержанно улыбалась и кивала в ответ.

— Анна! — выросла передо мной мать Рафаила. — Сходите в приют, пообщайтесь с детьми.

— А что Вы понимаете под общением? Мне надо провести с ними занятие?

— Провести занятие было бы делом богоугодным. Надеюсь, и Вы приехали к нам, чтобы возрасть и совершенствоваться в добре.

Далее, не прибавив ни слова, благочинная, полная своей тайной и явной власти, удалилась от меня безапелляционным шагом. В этом маленьком мирке черных одеяний мои попытки опротестовать это послушание были бесполезны.

Как вы прекрасно осведомлены, возрасть и совершенствоваться мне никуда не хотелось. Но раз силы бесплотные в лице самой мать Рафаилы дали мне указание, что же мне оставалось делать?

— Здравствуйте, девочки! — сказала я, переступив порог. Мне сказочно повезло, к моему приходу примерно половина из них ушла на занятие вокалом. Взрослые воспитанницы наравне с сестрами часто пели на клиросе. Меня же обступили пять девчонок, на вид от 10 до 15 лет. Они одобрительно гудели, шушукались и хихикали, а еще пританцовывали на месте. Но заговорить со мной стеснялись. Было понятно, что они ждали от нового человека чего-нибудь необычного. Я не могла ударить в грязь лицом и не оправдать девчуковых ожиданий, поэтому начала с тяжелой артиллерии:

— Ну что, где мы с вами займемся русским и литературой?

Радостное оживление с их лиц пропало мгновенно.

— Но ведь лето же. Летом у нас только вокал и хореография, — попыталась воспротивиться самая старшая.

— Это когда было? Можно сказать, в прошлом веке, до моего приезда. А теперь все будет по-другому.

Пока мы приветственно топтались в коридоре, я успела оценить приютовскую обстановку. Уже на входе было видно, что благополучию детей в монастыре уделялось больше внимания, чем сестринскому. За одинаково белыми раскрытыми дверями во всех трех комнатах, до которых доставал мой любопытствующий взгляд, лежал благородный ламинат светлых оттенков. Также меня поразили огромные окна. Если они и не были во всю стену, то недотягивали до звания «панорамных окон» жалкие сантиметры. Натяжной потолок и целый росплеск точечных светильников-цвете-

точков. Неожиданно я поймала себя на мысли, что во мне будто проснулся риелтор с выраженной профдеформацией. «Неплохо, у них новые радиаторы на десять секций!» Боже, как начать вести урок, когда сам думаешь о батареях?

Наконец, не выдержав моего напора, девочки прошли со мной в учебную комнату. Комната отличалась от школьного класса только тем, что парты, сдвинутые попарно, стояли в два ряда.

— Надо еще руки помыть. Чистота — залог здоровья, — заметила я своим расстроенным ученицам и под благовидным предлогом побежала осматривать ванно-туалетную комнату. Внутренний риелтор все никак не хотел успокоиться. Найдя совмещенный санузел в более чем удовлетворительном состоянии, я все-таки отправилась по прямому назначению — проповедовать детям о силе слова.

Задача передо мной стояла более чем затруднительная. Девочки явно не были одногодками. А значит, и программы у них разные. Надо бы о чем-нибудь сусальном поговорить. Про другое, пожалуй, с ними разговаривать не положено. Когда я повторно зашла в «класс», все уже расселись по местам.

— Пока я мыла руки, мне в голову пришла отличная идея. Давайте поговорим о том, какое влияние наша вера оказала на формирование русского языка. Может ли кто из вас вспомнить слова, которые имеют под собой христианскую этимологию, то есть происхождение.

— Воскресенье! Назвали в честь воскресенья Христа, — быстро сообщила старшенькая.

— Ну, это правильный, но очевидный пример. Может быть, еще что-нибудь сами вспомнить сможете?

— Спасибо — появилось от «спаси Бог»! — продолжала отвечать за всех уже поднадоевшая мне девица.

— Ты молодец! Как тебя зовут?

— Алина.

— Алина, а теперь давай помолчим и предоставим простор для полета фантазии остальным.

Но, несмотря на предоставленный простор, остальные не спешили втягиваться в разговор. Они плавно покачивали головами, разглядывали ногти, тербели концы своих длинющих кос.

— Божечки-кошечки, — не выдержала я, — хоть кто-нибудь мне еще что-то ответит или так и будем здесь попы просиживать до прилета осенних мух?

Мое маленькое святотатство насмешило девчонок. Смеялись они, впрочем, сначала сдержанно, но потом их робкий смех перешел в цунами. Разгул стихии был вызван тем, что шутки над Богом в монастыре табуированы. Они ни разу не смеялись над Господом и Владыкой Живота нашего... А тут я, вся такая красивая да со своими божечками, а тут я, да вся такая красивая со своими кошечками, пришла.

— Девчонки, а вы анекдоты про батюшек какие-нибудь знаете? — решила я еще посверкать чувством юмора. Конечно, я бы с удовольствием рассказала им анекдоты про монахинь. Но, к несчастью, таких я и сама не знала.

От моего вопроса нотки истерики в несмолкаемом гоготе повысились.

— Значит, не возражаете, — довольно подытожила я.

«Итак... идет священник по глухой тайге, а навстречу ему огромный медведь. Батюшка в испуге начинает горячо молиться:

— Боже, внуши этому медведю праведные мысли!

И что вы думаете? Медведь встает на колени и молвит человеческим голосом:

— Благослови, Господи, пищу мою».

— Божечки-кошечки... — стонали девчонки, давась от смеха. — Расскажите еще что-нибудь смешное.

— Да, расскажите, хотим смешное!

Но тут в нашу обитель безудержного веселья вошла бледноликая «аки призрак» мать Параскева. Мне показалось, что девчонки даже перестали дышать. Так резко оборвался хохот.

— Что у вас тут происходит? Ваши визги даже в главном корпусе слышны, — с тревогой спросила она, обводя взглядом нас всех, будто пытаясь вычислить главного виновника. Мое лицо стало на редкость кислым и беспристрастным. Уж не знаю, как у меня так быстро получилось взять себя в руки. Но я стала вне подозрений.

— Они очень редко себя так плохо ведут. Обычно послушные тихие девочки, Вы уж их простите, — объяснила монахиня.

Я понимающе покивала, мол, «ничего страшного, бывает».

— Можете, продолжайте Ваше занятие. Кажется, все успокоились.

Я выразила мать Параскеве полную готовность продолжать импровизированный урок, снова кивнув головой.

Притихшие воспитанницы смотрели на меня как одна, сложив себя на парты по плечи. Они крепко прижимались к столам широко раскинутыми руками, особенно углами локтей. Все как одна крепко сбитые треугольники — головы на руках, в глазах — задорные огоньки. Казалось, покажи им пальчик, и все пойдет ходуном, зазвенят треугольники девичьих голосов. Не так просто применить монастырскую муштру к фигурам с острыми углами. Попробуй уложи такие обратно в прямые линии.

— Итак, мы остановились на анализе слова «благословение». Как вы теперь знаете, благое слово способны воспринимать не только люди, но и животные, — моя речь была убедительна и проникновенна, как-никак, сестра Параскева все мялась у дверей и не спешила выходить.

Но тут со второй парты раздалось еле слышно процеженное сквозь зубы: «Божечки».

«Кошечки!» — хором прыснули со смеха остальные, и в классе снова воцарился дикий гогот.

Ошарашенная монахиня пыталась их перекричать:

— Успокойтесь! Успокойтесь, девочки! — одиноко взывала она к благоразумию. — Да что с вами всеми такое?!

Повернувшись ко мне, сестра Параскева протарабарила:

— Можете идти, сегодня толку не будет.

ЕЁ НЕ НАДО ЛЮБИТЬ

Но уйти далеко мне не удалось. В знакомом коридоре приюта стояла, явно поджидая меня, очередная незнакомая мне монахиня.

— Вы освободились?

— Ну-у, вроде как бы да, — с неохотой призналась я, предчувствуя новую монастырскую подставу.

— Тогда посидите еще немного с нашими малютками. Мне надо принять товар в иконной лавке за мать Иоанну, а то она в больницу уехала.

Ох уж эта невидимая, но судьбоносная для меня сестра Иоанна. Все самое интересное в монастыре случается со мной по ее вине, точнее, конечно, по ее болезни. Сначала из-за нее меня ночью одну запирают в церкви, теперь вот кидают на растерзание малышне.

У маленьких девочек была своя припрятанная в глубинах приюта просторная комната. Мой внутренний риелтор, видимо, ушел на обеденный перерыв, оставив меня одну. Так что я взирала на интерьер без удовольствия. Принцессишные резные деревянные кровати, качалки-единорожки, пушистые ковры-сердечки, светильники в виде кисок, наклейки-бабочки на стенах и, конечно, горшочки с цветучками — лишь малая часть того мимимишества, в которое меня окунули. Успокоенная моим заточением в детской, сестра пообещала скоро вернуться и испарилась.

Стоило только присесть, как кудрявая карапузка забралась ко мне на колени. От нее пахло молочной кашей, особенно от волос. Карапузка без конца ерзала и нещадно щекотала мой нос своими «молочными» волосами.

— Дашу только из детдома забрали. Не обращайтесь внимания, лезет ко всем, отучить не можем, — сказала девочка лет шести, вставшая прямо напротив меня.

— Вот как... — я сделала вид, что удивилась.

— А у Вас есть дети? — начала допрос моя собеседница. Манерой речи она явно подражала благочинной. «Ребенок сбился с пути и выбрал себе ужасного кумира», — сделала я вывод.

— Нет, у меня нет детей. Зато есть кот Барсик! — соврала я в надежде переключить разговор с детей на животных. Кудрявая времени не теряла и перебирала цепочки у меня на шее.

— И что сейчас делает Ваш кот? Кому Вы его оставили? — продолжала малолетняя благочинная.

— Соседям оставила. Кот доволен.

— Он даже по Вам не скучает?

— Вообще-то он у меня не из скучливых. Живет и радуется жизни.

— Ну-ну, — неодобрительно заметила моя мучительница. А потом, точно проверяя свои подозрения, взглянула на меня напоследок: — Даша, слезь с тети. Она нам не подходит.

Кудрявая вцепилась в меня сильнее. Ее пушистые волосы продолжали упорно лезть мне в лицо. Я тонула в запахе молочной каши. Лицо начинало зудеть, а в носу свербело. Наверное, у меня начиналась самая вздрававшая аллергия на детей.

— Почему ты меня не слушаешь? Опять к кому попало липнешь! Она не будет хорошей мамой! Ее не надо любить!

— Господи Иисусе! Я не знаю, что вы там себе придумали, — вопила я, отдирая Дашу, — но я просто пришла к вам по послушанию. Пришла, потому что отправили. И ничьей мамой я тут становиться не собираюсь!

Карапузка заревела. Но я уже убегала из приюта. Где-то за спиной в припрятанной малышовой комнате маленькая благочинная продолжала сокрушаться и поучать кудрявую: «Я говорила! Я же тебе говорила!»

ПОДГОРЕЛЫЕ КАШИ, ЧУЖИЕ ДЕТИ, МУЖИКИ

— Пчелка, объясни мне, зачем вы терпите все это? — спросила я трудницу, в очередной раз отмывая тарелки после трапезы.

— Ты о чем? — точно удивилась Пчелка, будто она и правда меня не понимала.

— Как о чем? — не выдержала я. — Все эти подгорелые каши, чужие дети, мужики все глухоманьские, да и те больше за стеной, даже посмотреть не на кого.

— А ты поживи подольше — поймешь, — улыбнулась она.

«Кроме того, что я здесь мхом обрасту, ничего со мной не произойдет, хоть сто лет тут проживу. В тюрьме нет места катарсису», — очень уверенно продекларировала я про себя, но озвучивать не стала. Мне было жалко Пчелку. В отличие от меня, она любила детей. Когда-то, до монастыря, Пчелка даже пыталась оформить опеку над ребенком, но чиновники нашли повод ей отказать. Одинокой женщине не так просто взять ребенка из детдома.

Монастырская детвора бегала за ней гурьбой. Где бы ни шла Пчелка, оттуда слышался оживленный смех. «Птелка, кажи жжжж... Птелка! Птелка!» — просили самые маленькие. И Пчелка, сморщив и без того маленькое лицо до размера печеного яблока, резко оборачивалась к детям, широко растопырив длинные узловатые пальцы. «Жжж!!!» — жужжала она, пока все малыши, визжа и хохоча, не разбежались. Старшие девочки уже не нуждались в таком баловстве. Они подходили к Пчелке похныкать в плечо, пожаловаться на строгих учителей, плохие отметки и суровую благочинную, никому не дающую поблажек. Не скажу, что трудница утешала их как-то по-особенному. Как правило, она говорила что-то совсем простое: «Ну, потерпи, милая. Потерпи. На земле правды не сыщешь». Эти ободряющие слова обычно сменялись однотипными риторическими причитаниями: «А кому сейчас легко? Ну, кому? Матушке легко? Или батюшкам? Мне легко? Или людям, что в миру все из-за денег мучаются?» Но дети были благодарны ей даже за это.

ПРЕКРАСНОЕ И НЕПОРОЧНОЕ

Вот и настало прекрасное и непорочное утро моего первого причастия. С каких-то пор посторонняя болтовня в голове прекратилась. Но я была в таких подавленных настроениях, что обратила на это внимание только сейчас.

Я ничего не пила с полуночи, как и положено перед причастием. «Надо выдержать, надо выдержать, после причастия ты сможешь выпить пятилитровую бутыль, да что там бутыль, целый таз живой воды», — убеждала здравомыслящая часть меня ту, что отъезжала под палящим солнцем в пустыне души моей. Служба не шла, а будто стояла на месте. Одни молитвы сменяли другие молитвы, потом следующие молитвы сменяли другие молитвы, и так круг за кругом, без начала и без конца.

После «Отче наш» батюшка наконец-то вышел на исповедь из алтаря. Я подошла и протянула ему листочек.

— Что это? — спросил он, пробежав глазами мое творение, и строго глянул на меня поверх очков.

— Исповедь моя.

— Это не исповедь, а фиглярство какое-то. В следующий раз подойди к исповеди серьезней.

— Хорошо, — коротко ответила я.

— Проживаешь с кем из субъектов?

— Что, простите?

— Проживаешь с кем-то из своих мужчин? Отношения зарегистрированы?

— Я что, на допросе?

— Нет, ты на исповеди.

— Любовь свободна и в разъяснениях не нуждается! — уже не отдавая себе отчета, сморозила я.

— Не могу я тебя к причастию допустить. Живешь блудно, исправляться не хочешь, — твердо сказал священник, возвращая назад мои грехи и орехи.

— Передай матушке, что к причастию я тебя пока не допускаю. Напиши нормальную исповедь, покайся от сердца, тогда и приходи.

Во мне закипало нечто невообразимое. Я готова была разрыдаться и выть прямо в церкви. Драматический индивид — жалкое зрелище! Три гребаных дня я жевала сухую картошку и каши, даже не сбрызнутые растительным маслом. Я перелопатила целый свод правил по написанию исповеди и чуть не сломала мозги. Я стояла на вечерней молитве, стояла на утренней молитве. Я честно бубнила одна в углу у икон все-все-все, что нужно было вычитать перед причастием, когда другие паломницы уже спали. В конце концов, я чуть не померла от жажды. Во имя чего? Почему я должна уйти сейчас ни с чем? Зачем мне потом опять все это? Я не хочу больше стоять на службе, переминаясь с ноги на ногу.

Хватит с меня благодати! Мне надоело бороться за эту сраную душу! Что в ней такого, что я не могу дать ей просто погибнуть? Я бежала по улице напрямик в паломнический домик. К счастью, домик пустовал. Я смела все свои вещи в сумку и сбежала из монастыря, так ни с кем и не попрощавшись.

«Как известно, все кареты превращаются в тыквы за полночь, а все бежавшие паломницы — в Петровых за полдень».

Вернулась домой. Ночью я не спала. Впервые в жизни я осознала степень своего падения. Я давно привыкла скрываться за «девушкой с приятцей», отшучивающейся по любому поводу и без. А на самом деле — обычная эгоистка, ни с кем не хотевшая делить свою жизнь. Считающая мужа и детей геморроем. Никому ничего не задолжавшая и никому ничего не подарившая. В итоге спившаяся до безобразия личность. Я чувствовала себя гнилой, точно во мне ползали опарыши. Я вся насквозь была пронизана смердящими ходами. От таких открытий хотелось повеситься на первой же березе.

Но вместо этого утром я пошла в магазин за водкой. Ну и ладно, ну и пусть! Буду жить, как жила! А завтра и про монастырь, и про опарышей уже и не вспомню. Исповеди не будет! И причастия тоже не будет больше никогда! В таком настроении я вернулась домой с бутылью. Хватит, чтобы залить совесть, бесов и драматическую личность.

Но я не смогла выпить. За окном летали и чирикали синицы. «Неужели опять?» — подумала я, приготовившись к самому худшему. Я смотрела на птиц минуту, две, три... Но они оставались маленькими птичками, и у них не появлялись скейтборды. Они не разговаривали, а их клювы не превращались в свиные рыла. Синицы были просто синицами. Я подвинула к окну стул, села и заплакала.